

Три лян серебра Ван Данянь швырнул с верхушки стены прямо к ногам Цзян Цяньэр.

Цзян Цяньэр наклонилась, чтобы подобрать их, и тут же обнажила спрятанную за спиной окровавленную палку.

Увидев кровь на дереве, Ван Данянь поспешно спросил:

— Цяньэр, милая моя Цяньэр, скажи мне, Чжоу Синшань еще жив?

Он надеялся, что Чжоу Синшань все еще здесь, но пусть только не умирает прямо сейчас. Если он подохнет уже после того, как он, Ван Данянь, уйдет, то с него взятки гладки. Иначе, если кто увидит, не оберешься проблем. Он не собирался из-за какой-то вдовушки гнить в тюрьме, получать палочные удары, отправляться в ссылку или подставлять голову под топор.

Цзян Цяньэр подобрала серебро, сунула его за пояс, взмахнула палкой и бросилась на Ван Даняня, который все еще висел на стене. Ее лицо переменялось быстрее, чем страница в книге:

— Ах ты, Ван Данянь! Проклинаешь моего мужа, гэр Чжоу? Ну, сегодня я тебя до смерти забью!

Палка пришлась точно в плечо. От резкой боли Ван Данянь не удержался на стене и с грохотом рухнул в траву, едва не разбив зад на две части.

Цзян Цяньэр выскочила из полуразрушенных ворот и принялась охаживать еще не успевшего подняться Ван Даняня. Она била его и кричала:

— Мерзавец! Проваливай отсюда! Не смей больше лазить на мой забор! Получай! Смотри, как я тебя отделаю!

— Ты с ума сошла! Это же я, Ван Данянь! — Ван Данянь был ошарашен. Он даже забыл, что средь бела дня прятаться на чужом заборе — дело постыдное, и лишь в панике пытался увернуться.

Но палка Цзян Цяньэр сыпалась на него, словно зимний град или летний зной. Ему было так больно, что он не мог даже защититься.

Будучи мелкой сошкой из Галактики Копал, она не обладала великой силой, зато знала, куда бить. Она выбирала такие места, чтобы не убить, но причинить нестерпимую боль, которая будет мучить его еще несколько дней.

Она особенно старалась, чтобы проучить Ван Даняня так, чтобы он больше не смел досаждать ей и мешать их с Чжоу Синшанем тихой жизни.

Она гнала его довольно далеко, но, заметив вдалеке соседей, остановилась. Не став преследовать Ван Даняня дальше, она развернулась и, помахивая палкой, зашагала домой.

Соседи, увидев бегущего негодяя Ван Даняня, а затем вспомнив про Чжоу Синшаня и Цзян Цяньэр, тут же набрали семечек и поспешили под большое дерево у въезда в деревню — перемывать косточки.

Цзян Цяньэр, довольная тем, что вернула три лян серебра, вбежала в дом с деньгами и палкой в руках:

— Чжоу Син...

Она не успела договорить. Чжоу Синшань швырнул ей под ноги завернутый в желтую ткань сверток с серебром и ледяным тоном произнес:

— Не нужно разыгрывать передо мной спектакль. Это последние мои деньги. Там же твоя регистрационная книга. Иди к деревенскому старосте, пусть напишет от моего имени письмо об отречении, и ты будешь свободна. С кем хочешь, с тем и живи.

Серебро не задело ее, но она нарочно вскрикнула, подпрыгивая на месте. Она смотрела на мужчину, укрытого тонким одеялом, с обнаженным торсом и распущенными волосами. Даже в таком беспомощном состоянии он был поразительно красив. Ее сердце забило в бешеном ритме.

Чем сильнее оно колотилось, тем яростнее она ругала про себя прежнюю хозяйку тела: надо же было так напугать этого красавца, что он утратил всякое доверие к людям! Трудный случай.

Цзян Цяньэр подняла сверток с серебром и, положив его рядом с тремя лянами на кан, мгновенно вошла в роль. Она начала задабривать Чжоу Синшаня:

— Муж, я была неправа. Это деньги, которые я отобрала обратно, забирай их. Мне не нужно никакое письмо, я хочу жить с тобой долго и счастливо. Ты же видел, я прогнала Ван Даняня. Считай, что я была глупа, не сердись на меня.

Прежней девушке было шестнадцать, Чжоу Синшаню — двадцать три. Хотя в эту эпоху многие в шестнадцать уже имели детей и считались взрослыми, для Цзян Цяньэр, пришелицы из Галактики Копал, муж, который старше ее на семь лет, не казался чем-то недостижимым. Она кокетничала с ним без тени смущения, и это получалось у нее само собой, до такой степени, что ей хотелось прижаться к его груди и погладить мускулы.

Чжоу Синшань смотрел на жену, которая сейчас так старательно заигрывала с ним, ледяным взглядом.

Она была совсем не похожа на ту, что была раньше. Та, которую купила ему мачеха, жила в их доме, но постоянно была недовольна. Он обещал ей, что даже если останется калекой, даже если мачеха не оставит ему наследства, он сделает все, чтобы их жизнь наладилась. Но в ее глазах он всегда видел настороженность, тупость, страх, злобу, недоверие, брезгливость и презрение.

А у этой взгляд был ясный, улыбка — светлой, поведение — открытым, а в глазах светилась такая нежность, когда она смотрела на него.

Цзян Цяньэр видела, что он молчит и даже не смотрит на серебро, лежащее на кане. Она решилась, взобралась на постель, опустилась на колени рядом с ним и схватила его за руку.

Чжоу Синшань инстинктивно хотел отдернуть руку, но Цзян Цяньэр прижала ее к своей талии.

Сверкнув глазами и вскинув голову, она прошептала:

— Муж, я с ним чиста. Он никогда не касался моих рук, не обнимал меня за талию, не трогал мое лицо и не целовал моих губ. Все это я берегу для тебя. Мои руки — для твоих прикосновений, моя талия — для твоих объятий, мои губы — для твоих поцелуев.

<http://bllate.org/book/21704/2241609>